

Антон Павлович Чехов

Тяжелые люди

Антон Павлович Чехов
Тяжелые люди

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176209

Антон Павлович Чехов

Тяжелые люди

Ширяев, Евграф Иванович, мелкий землевладелец из поповичей (его покойный родитель о. Иоанн получил в дар от генеральши Кувшинниковой 102 десятины земли), стоял в углу перед медным рукомошкой и мыл руки. По обыкновению, вид у него был озабоченный и хмурый, борода не чesана.

– Ну, да и погода! – говорил он. – Это не погода, а наказание господне. Опять дождь пошел!

Он ворчал, а семья его сидела за столом и ждала, когда он кончит мыть руки, чтобы начать обедать. Его жена Федосья Семеновна, сын Петр – студент, старшая дочь Варвара и трое маленьких ребят давно уже сидели за столом и ждали. Ребята – Колька, Ванька и Архипка, курносые, запачканные, с мясистыми лицами и с давно не стриженными, жесткими головами, нетерпеливо двигали стульями, а взрослые сидели не шевелясь и, по-видимому, для них было всё равно – есть или ждать...

Как бы испытывая их терпение, Ширяев медленно вытер руки, медленно помолился и не спеша сел за стол. Тотчас же подали щи. Со двора доносился стук плотницких топоров (у Ширяева строился новый сарай) и смех работника Фомки, дразнившего индюка. В окно стучал редкий, но крупный

дождь.

Студент Петр, в очках и сутуловатый, ел и переглядывался с матерью. Несколько раз он клал ложку и кашлял, желая начать говорить, но, взглянувши пристально на отца, опять принимался за еду. Наконец, когда подали кашу, он решительно кашлянул и сказал:

– Мне бы сегодня ехать с вечерним поездом. Давно пора, а то я уж и так две недели пропустил. Лекции начинаются первого сентября!

– И поезжай, – согласился Ширяев. – Чего тебе тут ждать? Возьми и поезжай с богом.

Прошла минута в молчании.

– Ему, Евграф Иваныч, денег на дорогу надо... – тихо проговорила мать.

– Денег? Что ж! Без денег не уедешь. Коли нужно, хоть сейчас бери. Давно бы взял!

Студент легко вздохнул и весело переглянулся с матерью. Ширяев не спеша вынул из бокового кармана бумажник и надел очки.

– Сколько тебе? – спросил он.

– Собственно дорога до Москвы стоит одиннадцать рублей сорок две...

– Эх, деньги, деньги! – вздохнул отец (он всегда вздыхал, когда видел деньги, даже получая их). – Вот тебе двенадцать. Тут, брат, будет сдача, так это тебе в дороге сгодится.

– Благодарю вас.

Немного погодя студент сказал:

– В прошлом году я не сразу попал на урок. Не знаю, что будет в этом году; вероятно, не скоро найду себе заработок. Я просил бы вас дать мне рублей пятнадцать на квартиру и обед.

Ширяев подумал и вздохнул.

– Будет с тебя и десяти, – сказал он. – На, возьми!

Студент поблагодарил. Следовало бы попросить еще на одежду, на плату за слушание лекций, на книги, но, поглядев пристально на отца, он решил уже больше не приставать к нему. Мать же, неполитичная и нерассудительная, как все матери, не выдержала и сказала:

– Ты бы, Евграф Иванович, дал ему еще рублей шесть на сапоги. Ну, как ему, погляди, ехать в Москву в такой рвани?

– Пусть мои старые возьмет. Они еще совсем новые.

– Хоть бы на брюки дал. На него глядеть срам...

И после этого тотчас же показался буревестник, перед которым трепетала вся семья: короткая, упитанная шея Ширяева стала вдруг красной, как кумач. Краска медленно поползла к ушам, от ушей к вискам и мало-помалу залила всё лицо. Евграф Иванович задвигался на стуле и расстегнул воротник сорочки, чтобы не было душно. Видимо, он боролся с чувством, которое овладевало им. Наступила мертвая тишина. Дети притаили дыхание, Федосья же Семеновна, словно не понимая, что делается с ее мужем, продолжала:

– Ведь он уж не маленький. Ему совестно ходить разде-

тым.

Ширяев вдруг вскочил и изо всей силы швырнул на середину стола свой толстый бумажник, так что сшиб с тарелки ломоть хлеба. На лице его вспыхнуло отвратительное выражение гнева, обиды, жадности – всего этого вместе.

– Берите всё! – крикнул он не своим голосом. – Грабьте! Берите всё! Душите!

Он выскочил из-за стола, схватил себя за голову и, спотыкаясь, забегал по комнате.

– Обирайте всё до нитки! – кричал он визгливым голосом. – Выжимайте последнее! Грабьте! Душите за горло!

Студент покраснел и опустил глаза. Он не мог уже есть. Федосья Семеновна, не привыкшая за двадцать пять лет к тяжелому характеру мужа, вся съежилась и залепетала что-то в свое оправдание. На ее истощенном птичьем лице, всегда тупом и испуганном, появилось выражение изумления и тупого страха. Ребята и старшая дочь Варвара, девушка-подросток с бледным, некрасивым лицом, положили свои ложки и замерли.

Ширяев, свирепея всё более, произнося слова одно другого ужаснее, подскочил к столу и стал вытряхивать из бумажника деньги.

– Берите! – бормотал он, дрожа всем телом. – Объели, опили, так нате вам и деньги! Ничего мне не нужно! Шейте себе новые сапоги и мундиры!

Студент побледнел и поднялся.

– Послушайте, папаша, – начал он, задыхаясь. – Я... я прошу вас прекратить, потому что...

– Молчи! – крикнул на него отец и так громко, что очки у него свалились с носа. – Молчи!

– Прежде я... я мог сносить подобные сцены, но... теперь я отвык. Понимаете? Я отвык!

– Молчи! – крикнул отец и затопал ногами. – Ты должен слушать, что я говорю! Что хочу, то и говорю, а ты – молчать! В твои годы я деньги зарабатывал, а ты, подлец, знаешь, сколько мне стоишь? Я тебя выгоню! Дармоед!

– Евграф Иваныч, – пробормотала Федосья Семеновна, нервно шевеля пальцами. – Ведь он... ведь Петя...

– Молчи! – крикнул на нее Ширяев, и даже слезы выступили у него на глазах от гнева. – Это ты их избаловала! Ты! Ты всему виновата! Он нас не почитает, богу не молится, денег не зарабатывает! Вас десятеро, а я один! Из дому я вас выгоню!

Дочь Варвара долго глядела на мать, разинув рот, потом перевела тупой взгляд на окно, побледнела и, громко вскрикнув, откинулась на спинку стула. Отец махнул рукой, плюнул и выбежал на двор.

Этим обыкновенно заканчивались у Ширяевых их семейные сцены. Но тут, к несчастью, студентом Петром овладела вдруг непреодолимая злоба. Он был так же вспыльчив и тяжел, как его отец и его дед протопоп, бивший прихожан палкой по головам. Бледный, с сжатыми кулаками подошел

он к матери и прокричал самой высокой теноровой нотой, какую только он мог взять:

– Мне гадки, отвратительны эти попреки! Ничего мне от вас не нужно! Ничего! Скорей с голоду умру, чем съем у вас еще хоть одну крошку! Нате вам назад ваши подлые деньги! Возьмите!

Мать прижалась к стене и замахала руками, точно перед нею стоял не сын, а привидение.

– Чем же я виновата? – заплакала она. – Чем?

Сын так же, как и отец, махнул рукой и выбежал на двор. Дом Ширяева стоял одиночкой у балки, которая бороздой проходила по степи верст на пять. Края ее поросли молодым дубом и ольхой, а на дне бежал ручей. Дом одною стороною глядел на балку, другою выходил в поле. Заборов и плетней не было. Их заменяли всякого рода стройки, тесно жавшиеся друг к другу и замыкавшие перед домом небольшое пространство, которое считалось двором и где ходили куры, утки и свиньи.

Выйдя наружу, студент пошел по грязной дороге в поле. В воздухе стояла осенняя, пронизывающая сырость. Дорога была грязна, блестели там и сям лужицы, а в желтом поле из травы глядела сама осень, унылая, гнилая, темная. По правую сторону дороги был огород, весь изрытый, мрачный, кое-где возвышались на нем подсолнечники с опущенными, уже черными головами.

Петр думал, что недурно бы пойти в Москву пешком, пой-

ти, как есть, без шапки, в рваных сапогах и без копейки денег. На сотой версте его догонит встрепанный и испуганный отец, начнет просить его вернуться или принять деньги, но он даже не взглянет на него, а всё будет идти, идти... Голые леса будут сменяться унылыми полями, поля – лесами; скоро земля забелеет первым снегом и речки подернутся льдом... Где-нибудь под Курском или под Серпуховом он, обессиленный и умирающий от голода, свалится и умрет. Его труп найдут и во всех газетах появится известие, что там-то студент такой-то умер от голода...

Белая собака с грязным хвостом, бродившая по огороду и чего-то искавшая, поглядела на него и побрела за ним...

Он шел по дороге и думал о смерти, о горе близких, о нравственных мучениях отца, и тут же рисовал себе всевозможные дорожные приключения, одно другого причудливее, живописные места, страшные ночи, нечаянные встречи. Вообразил он вереницу богомолок, избушку в лесу с одним окошком, которое ярко светится в потемках; он стоит перед окошком, просится на ночлег... его пускают и – вдруг он видит разбойников. А то еще лучше, попадает он в большой помещичий дом, где, узнав, кто он, поят и кормят его, играют ему на рояли, слушают его жалобы, и в него влюбляется хозяйская дочь-красавица.

Занятый своим горем и подобными мыслями, молодой Ширяев всё шел и шел... Впереди далеко-далеко на сером облачном фоне темнел постоянный двор; еще дальше двора,

на самом горизонте виден был маленький бугорок; это станция железной дороги. Этот бугорок напомнил ему связь, существующую между местом, где он теперь стоял, и Москвой, в которой горят фонари, стучат экипажи, читаются лекции. И он едва не заплакал от тоски и нетерпения. Эта торжественная природа со своим порядком и красотой, эта мертвая тишина кругом опротивели ему до отчаяния, до ненависти!

– Берегись! – услышал он сзади себя громкий голос.

Мимо студента в легком, изящном ландо прокатила знакомая старушка-помещица. Он поклонился ей и улыбнулся во всё лицо. И тотчас же он поймал себя на этой улыбке, которая совсем не шла к его мрачному настроению. Откуда она, если вся его душа полна досады и тоски?

И он подумал, что, вероятно, сама природа дала человеку эту способность лгать, чтобы он даже в тяжелые минуты душевного напряжения мог хранить тайны своего гнезда, как хранит их лисица или дикая утка. В каждой семье есть свои радости и свои ужасы, но как они ни велики, трудно увидеть их постороннему глазу; они тайна. У этой помещицы, например, которая только что проехала мимо, родной отец за какую-то неправду полжизни нес гнев царя Николая, муж ее был картежником, из четырех сыновей ни из одного не вышло толку. Можно же представить себе, сколько в ее семье происходило ужасных сцен, сколько пролито слез. А между тем старуха казалась счастливою, довольной и на его улыбку

ответила тоже улыбкой. Вспомнил студент своих товарищей, которые неохотно говорят о семьях, вспомнил свою мать, которая почти всегда лжет, когда ей приходится говорить о муже и детях...

До самых сумерек Петр ходил далеко от дома по дорогам и предавался невеселым мыслям. Когда заморосил дождь, он направился к дому. Возвращаясь, он решил, во что бы то ни стало, поговорить с отцом, втолковать ему, раз и навсегда, что с ним тяжело и страшно жить.

Дома застал он тишину. Сестра Варвара лежала за перегородкой и слегка стонала от головной боли. Мать с удивленным, виноватым лицом сидела около нее на сундуке и починая брюки Архипки. Евграф Иваныч ходил от окна к окну и хмурился на погоду. По его походке, по кашлю и даже по затылку видно было, что он чувствовал себя виноватым.

– Стало быть, ты раздумал сегодня ехать? – спросил он.

Студенту стало жаль его, но тотчас же, пересилив это чувство, он сказал:

– Послушайте... Мне нужно поговорить с вами серьезно... Да, серьезно... Всегда я уважал вас и... и никогда не решался говорить с вами таким тоном, но ваше поведение... последний поступок...

Отец глядел в окно и молчал. Студент, как бы придумывая слова, потер себе лоб и продолжал в сильном волнении:

– Не проходит обеда и чая, чтобы вы не поднимали шума. Ваш хлеб останавливается у всех поперек горла... Нет ниче-

го оскорбительнее, унижительнее, как попреки куском хлеба... Вы хоть и отец, но никто, ни бог, ни природа не дали вам права так тяжко оскорблять, унижать, срывать на слабых свое дурное расположение. Вы замучили, обезличили мать, сестра безнадежно забита, а я...

– Не твое дело меня учить, – сказал отец.

– Нет, мое дело! Надо мной можете издеваться сколько вам угодно, но мать оставьте в покое! Я не позволю вам мучить мать! – продолжал студент, сверкая глазами. – Вы избалованы, потому что никто еще не решался идти против вас. Перед вами трепетали, немели, но теперь кончено! Грубый, невоспитанный человек! Вы грубы... понимаете? вы грубы, тяжелы, черствы! И мужики вас терпеть не могут!

Студент уже потерял нить и не говорил уже, а точно выпаливал отдельными словами. Евграф Иванович слушал и молчал, как бы ошеломленный; но вдруг шея его побагровела, краска поползла по лицу, и он задвигался.

– Молчать! – крикнул он.

– Ладно! – не унимался сын. – Не любите слушать правду? Отлично! Хорошо! Начинайте кричать! Отлично!

– Молчать, тебе говорю! – заревел Евграф Иванович.

В дверях показалась Федосья Семеновна с удивленным лицом, очень бледная; хотела она что-то сказать и не могла, а только шевелила пальцами.

– Это ты виновата! – крикнул ей Ширяев. – Ты его так воспитала!

– Я не желаю жить более в этом доме! – крикнул студент, плача и глядя на мать со злобой. – Не желаю я с вами жить!

Дочь Варвара вскрикнула за ширмой и громко зарыдала. Ширяев махнул рукой и выбежал из дому.

Студент пошел к себе и тихо лег. До самой полночи лежал он неподвижно и не открывая глаз. Он не чувствовал ни злобы, ни стыда, а какую-то неопределенную душевную боль. Он не обвинял отца, не жалел матери, не терзал себя угрызениями; ему понятно было, что все в доме теперь испытывают такую же боль, а кто виноват, кто страдает более, кто менее, богу известно... В полночь он разбудил работника и приказал ему приготовить к пяти часам утра лошадь, чтобы ехать на станцию, разделся и укрылся, но уснуть не мог. Слышно ему было до самого утра, как не спавший отец тихо бродил от окна к окну и вздыхал. Никто не спал; все говорили редко, только шёпотом. Два раза к нему за ширмы приходила мать. Всё с тем же удивленно-тупым выражением, она долго крестила его и нервно вздрагивала...

В пять часов утра студент нежно простился со всеми и даже поплакал. Проходя мимо отцовской комнаты, он заглянул в дверь. Евграф Иванович одетый, еще не ложившийся, стоял у окна и барабанил по стеклам.

– Прощайте, я еду, – сказал сын.

– Прощай... Деньги на круглом столике... – ответил отец, не поворачиваясь.

Когда работник вез его на станцию, шел противный, хо-

лодный дождь. Подсолнечники еще ниже нагнули свои головы, и трава казалась темнее.